

«И в Коране можно найти много верного и глубокого...»

(Письмо Л. Н. Толстого
М. М. Крымбаеву)

Текущий год богат на памятные даты. В их ряду столетие со дня кончины великого русского писателя и мыслителя графа Льва Николаевича Толстого (1828-7(20).11.1910) занимает особое место. Его богатое творческое наследие, нравственно-философские воззрения являются неиссякаемым источником познания вот уже для нескольких поколений писателей, литературоведов, философов, историков.

Становление будущего писателя как личности, истоки его воззрений неразрывно связаны с Казанью. В 1844-1847 гг. молодой Л. Н. Толстой являлся студентом Казанского императорского университета (в городе проживали его родственники). Этот период жизни писателя находит отражение в таких его книгах, повестях, рассказах, как «Исповедь» (1884), «Отрочество» (1854), «Юность» (1857), «После бала» (1911). В условиях переломного времени творчество Л. Н. Толстого, в особенности его философско-нравственные воззрения, стали для татарской интеллигенции одним из неоспоримых ориентиров в поиске идейно-нравственных координат, путей обновления татарского общества. И потому, «на всем про-

тяжении деятельности дореволюционной печати практически не было [ни] дня, чтобы не писали об этом гениальном художнике, ярком представителе русской философской мысли, гуманисте и общественном деятеле. Редки случаи, чтобы в каком-нибудь номере солидного издания не упоминалось имя Л. Н. Толстого, пользовавшегося непререкаемым авторитетом в кругах татарской писательской интеллигенции. На страницах татарских газет и журналов появились сотни восторженных материалов, посвященных Толстому, написанных практически всеми татарскими художниками слова, публицистами, журналистами. Среди них можно встретить имена Г. Исхаки, Г. Тукая, Ф. Амирхана, С. Рамиева, Г. Ибрагимова, С. Рахманкулый и многих других представителей татарской интеллектуальной элиты»¹.

Известно, что Л. Н. Толстой, особенно в последние годы своей жизни, пытался выработать свою позицию по отношению к мировым религиям, был занят мучительными философско-нравственными размышлениями об основах человеческого бытия, о вечном и тленном, суть которых сводилась к тому, что «основа всех религий

одна и та же: любовь к Богу, т. е. к высшему совершенству и к ближнему. Но во всех религиях совершилось и совершается то, что к основной религиозной истине, общей всем религиям, присоединяются ложные толкования, вносимые в учение его последователями. То же совершилось и совершается и в магометанстве. И потому, как во всех религиях, так и в магометанстве задача теперешнего человечества состоит не в том, чтобы, откинув религию, поставить на ее место узкие, неосновательные и пошлые, так называемые научные взгляды, а в том, чтобы понять сущность религиозного учения и постараться освободить основную религиозную истину учения от того, что скрывает ее. И это совершается во всех религиях, совершается и в магометанстве»². По-видимому, уважительное отношение Л. Н. Толстого ко всем без исключения мировым религиям, в том числе и к исламу, сыграло свою роль в трепетном тяготении татарской интеллигенции начала XX в. как к творчеству, философско-нравственным воззрениям Л. Н. Толстого, так и к самой личности великого писателя и мыслителя.

«Всемерно популяризуя творчество Л. Н. Толстого, татарская печать стремилась охватить все стороны жизнедеятельности этого человека, неизменно представляя его как честь и совесть эпохи. Татарские писатели, публицисты, поэты не упускали возможности сравнивать деяния Л. Н. Толстого с интеллектуальным подвигом, с различной степенью информированности рассуждали о природе, тайнствах невообразимой популярности этого исполнителя. Постижению духовной сущности писателя-мыслителя помогали прежде всего его произведения, которые всегда были в центре внимания татарской

интеллигенции. Сочинениями мудреца зачитывались. И не только деятели национальной культуры. Это было потребностью времени»³.

Что касается интереса самого Л. Н. Толстого, то его увлекали духовные искания в мусульманском мире. Одним из подтверждений этого является и ниже публикуемое письмо писателя секретарю редакции журнала «Мусульманин» от 16 марта 1909 г.

Двухнедельный народно-популярный, научно-литературный и общественный журнал «Мусульманин» издавался в Париже с 1908 по 1911 г. под редакцией Магомет-Бека Хаджетляше (М. Tatarine). Он был посвящен вопросам культурного развития мусульман России и кавказских горцев. На его страницах можно найти весьма любопытные материалы по истории, культуре, быту разных этнографических групп татар, ногайцев, других тюркских народов России, общественной жизни татар Среднего Поволжья и Приуралья начала XX в.

К сожалению, мы не знаем содержания письма М. М. Крымбаева Л. Н. Толстому, и сохранилось ли оно. Письмо же великого русского писателя М. М. Крымбаеву, написанное в 1909 г. и помещенное в № 19 журнала «Мусульманин» от 1910 г., предваряется предисловием редакции следующего содержания: «Лучшим подтверждением ничтожества и духовного банкротства господ, подобных Бальмонтам, служит собственноручное письмо Льва Николаевича Толстого, адресованное секретарю нашей редакции г. Крымбаеву еще в прошлом году. Редакция не имела возможности опубликовать его тогда и делает это теперь с чувством глубокого уважения к красе русской литературы»⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Амирханов Р. У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток-Запад» (на примере развития русской культуры). – Казань, 2002. – С. 133.

2. Письмо Льва Николаевича Толстого к г. М. М. Крымбаеву // Мусульманин. – 1910. – № 19. – С. 412.

3. Амирханов Р. У. Указ. соч. – С. 140.

4. Письмо Льва Николаевича Толстого... – С. 412.

16 марта 1909 г.
Ясная Поляна.

М[ногоуважаемый] г[осподин].

Основа всех религий одна и та же: любовь к Богу, т. е. к высшему совершенству и к ближнему. Но во всех религиях совершилось и совершается то, что к основной религиозной истине, общей всем религиям, присоединяются ложные толкования, вносимые в учение его последователями. То же совершилось и совершается и в магометанстве. И потому, как во всех религиях, так и в магометанстве задача теперешнего человечества состоит не в том, чтобы, откинув религию, поставить на ее место узкие, неосновательные и пошлые, так называемые научные взгляды, а в том, чтобы понять сущность религиозного учения и постараться освободить основную религиозную истину учения от того, что скрывает ее. И это совершается во всех религиях, совершается и в магометанстве. Так, существует очень высокая, по своему религиозному учению, секта бабистов*, продолжатель которой Бага-Улла сослан был турецким правительством в Акку, сын которого живет там. Люди эти не признают никаких внешних религиозных форм и основу религии, которую они считают единой во всех, полагают в доброй жизни, т. е. в любви к ближнему и неучастию в делах зла. Другую секту магометанскую я знаю в Казани. Секта эта называет себя Божиим полком или, по имени своего основателя, вайсовцами**. И та и другая секта представляют собою движение вперед магометанства к освобождению от мертвых внешних форм, которых, надо сказать, в магометанстве, как позднейшей религии, гораздо меньше, чем во всех других больших религиях. И потому полагаю, что всякому человеку, желающему служить человечеству, прогрессу его, надо не отрицать огулом ту религию, в которой он родился и воспитывался, как вы в магометанстве, а напротив, поняв те глубокие основы, которые есть в каждой религии, а также и в магометанстве, стараться очищать их от тех наростов, которые их скрывают. И в Коране можно найти много верного и глубокого, и кроме того есть небольшая книжечка, изданная в Индии по-английски, в которой собраны изречения Магомета (выдержки из этой книги будут в скором времени напечатаны в издании «Посредника»), замечательные по своей глубине и духовности.

Лев Толстой.

Мусульманин. — 1910. — № 19. — С. 412-413.

Публикацию подготовил *Рашид Галлям*,
кандидат исторических наук

* Бабисты (бабиды) — последователи религиозно-политического движения, созданного в Иране в 1844 г. сейидом Али Мохаммедом (1819 или 1820-1850) по прозвищу Баб (араб. «врата»). В учении бабистов (бабидов) заметно влияние идей шейхов об имамах как «вратах» к постижению Бога, догматики исмаилитов и друзов. Они верили в скорое пришествие мусульманской «мессии» — Махди, которого отождествляли с Бабом, чей труд «Беян» (татар. «Боян» — «Откровение») стал писанием бабистов, заменившим для них Коран и шарият. В священном царстве бабистов (бабидов) сначала в Иране, а затем во всем мире предполагалось установить равенство классов и полов, отменить налоги с бедных, изгнать небабидов и разделить их имущество. Бабисты (бабиды) возглавили антиправительственные массовые восстания на севере Ирана в 1848-1852 гг. После их подавления правительством и казни многих видных представителей (в т. ч. Баба в 1850 г.) движение бабистов (бабидов) пришло в упадок и прекратило свое существование. Высланный в 1863 г. в Стамбул ученик Баба Мирза Хусейн Али Нури (1817-1892) по прозвищу Баха Аллах (араб. «Блеск Божий») основал движение бахаистов, считающиеся преемниками бабистов (бабидов). Также движение бабистов (бабидов) оказало определенное влияние и на мировоззренческую идеологию вайсовского движения второй половины XIX — первой четверти XX вв. в Среднем Поволжье (здесь и далее подстрочные примечания автора вступительной статьи).

** Вайсовцы — последователи мусульманского религиозно-политического движения, основанного Багаутдином (Багаудлой) Вайсовым (1810-1893). Вайсовское движение получило широкое распространение во второй половине XIX — первой четверти XX вв. среди татарских крестьян, ремесленников, мелких торговцев. Вайсовцы действовали под лозунгом: «Государя мы чтим и молимся за него, но государства нам не нужно». Руководители вайсовского движения критиковали мусульманское духовенство за отход от заповедей Корана, разрешение мусульманам служить в войсках «неверных», отсутствие контроля над своевременным исполнением мусульманских молитв, присвоение себе исключительных прав, не дарованных им Кораном, распущенность нравов и др. Вайсовцы хотели быть лишь божьими подданными, признающими на земле, кроме своего Сардара (Вайсова), «помазанника небес» — императора, отрицали государственную власть. Основным методом борьбы вайсовцев стало гражданское неповиновение: они не подчинялись гражданским законам и властям, не платили налоги, отказывались служить в российской армии. В начале XX в. вайсовское движение обогатилось идеями «исламского социализма». Центральное место в их идейных построениях заняла вера в возрождение «золотого века» после восстановления Булгарского государства. После Октябрьского переворота 1917 г. вайсовцы заявили о поддержке Советской власти. В годы Гражданской войны в составе Красной Армии были сформированы вайсовские «Божьи полки». В 1920-х гг. вайсовцы основали в Чистопольском кантоне дер. Новый Булгар, где попытались в новых условиях развить свое учение. В дальнейшем община вайсовцев была распущена, в 1930-х гг. руководители и активисты вайсовского движения были репрессированы.

